

торику» и «Юноша и Вѣкъ». Вообще въ этой книжкѣ стихотвореній Полонскаго попадаются удачные стихи, даже удачные куплеты и мѣста; но рѣшительно нѣтъ ни одного удачнаго стихотворенія.

Въ примѣръ лучшаго приводимъ «Тѣни»:

По небу синему тучки плывутъ,
По лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни ли толпой на меня налетятъ,
Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ;
Солице ль внезапно меня озаритъ,
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

А вотъ въ примѣръ пошлости содержанія и формы:

Вы, ленты измятыя—
Секреты любви!
Вы письма завѣтныя—
Тираны мои!
Вы, пряди отрѣзанныхъ
На память волосъ—
Свидѣтели тайные
Растрченныхъ слезъ...
Печали свидѣтели!
Вы мнѣ, такъ и быть,
Признайтесь хоть на ухо,
Что весело жить...

Очень хорошо-съ?...

Вобщемъ, прочитавъ книжку стихотвореній Григорьевска, мы почему-то особенно припомнили эти стихи Лермонтова, которые и прежде приходили намъ часто на память, но никогда такъ ксати, какъ теперь:

Какъ язвы боясь вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль *плынной мысли раздраженья!*
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи...
То кровь кипитъ, *то силъ избытокъ...*

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный,—
Не вслушивайся въ нихъ. не предавайся имъ.
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой,—
Не выходи на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, и пр.

Читая стихотворенія Полонскаго, мы почему-то невольно все твердили про себя эти два стиха старика добраго стараго времени, Кантемира:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не повуждай къ перу мои руки!

Тереза Дюнойе. Романъ Евгения Сю. Переводъ В. М. Строева. Спб. 1847. Четыре части.

Матильда, записки молодой женщины. Сочиненіе Евгения Сю, автора Парижскихъ Тайнъ и Вѣчнаго жида. Переводъ съ французскаго, пересмотрѣнный и исправленный В. Строевымъ Спб. 1846—1847. Тринадцатъ частей.

Сынъ тайны (Le Fils du Diable). Романъ Поля Феваля. Спб. 1847. Два тома, восемь частей.

Иезуитъ. Характеристическая картина изъ (?) первой четверти восемнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шлиндлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1847. Три части.

Романъ и повѣсть овладѣли въ наше время литературой, или вовсе вытѣснивъ, или оттѣснивъ на задній планъ всѣ другіе ея роды. Можно сказать безъ большого преувеличенія, что подъ литературой въ наше время разумѣются романъ и повѣсть. Оставляя на время въ сторонѣ разницу между романомъ и повѣстью, будемъ то и другое разумѣть подъ однимъ первымъ именемъ, такъ какъ повѣсть есть не что иное, какъ видъ романа. Романъ выходитъ отдѣльно,—и если онъ хоть сколько-нибудь хорошъ или дуренъ въ любимомъ вкусѣ времени,—онъ будетъ имѣть успѣхъ, не залежится въ книжныхъ лавкахъ, а его авторъ и съ извѣстностью, и съ именемъ. Журналъ просто не можетъ существовать безъ романа. И добро бы еще журналъ въ нашемъ русскомъ смыслѣ, т. е. то, чтѣ въ Европѣ называется «обозрѣніемъ» (revue); нѣтъ! настоящій журналъ, то, чтѣ у насъ называется газетой, уже не можетъ поддерживаться только одной политикой, которая всѣхъ такъ интересуеетъ и волнуетъ, къ которой всѣ такъ ненасытимо жадны. Въ фельстонахъ этихъ журналовъ печатаются длинные романы, и терпѣливые читатели въ продолженіе года, а иногда и слишкомъ, довольствуются двумя или много тремя главами «интереснаго» романа въ недѣлю, и каждый изъ нихъ пуще всего боится умереть прежде, нежели успѣетъ прочесть его послѣднюю заключительную главу, для пущей важности обыкновенно называемую «эпилогомъ»... Но вотъ и эпилогъ прочтенъ—глядь, въ слѣдующемъ, а иногда и въ томъ же листкѣ начало новаго романа—и опять трепещетъ за свою жизнь бѣдный читатель въ продолженіе года, вплоть до вожделѣннаго эпилога... Журналы набили страшныя цѣны на романы, и теперь иной бездарный писакъ, въ родѣ Поля Феваля, на примѣръ, получаетъ, можетъ быть, тѣ же суммы, которыя назадъ тому лѣтъ тридцать казались баснословно-огромными, когда дѣло шло о романахъ отца и творца новѣйшаго романа, великаго и гениальнаго Вальтера Скотта... Не только люди съ замѣчательнымъ дарованіемъ, какъ Эжень Сю, или съ какимъ-нибудь да-